

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ «КАТАСТРОФА» РОССИЙСКИХ ФИННО-УГРОВ: СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ДРЕЙФА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Ю. П. Шабает

Коми научный центр Уральского отделения РАН,
Российская Федерация, 167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24

Итоги переписи населения 2020–2021 гг. показали резкое и значительное снижение численности финно-угорских народов России. Например, численность карел сократилась на 46,7%, коми-пермяков — на 41%, мордвы — на 35% (в 1939 г. численность мордвы составляла 1375 тыс. чел, в 2021 — 484 тыс.). Масштабное сокращение численности финно-угров между переписями 2010 и 2021 гг. позволило некоторым местным этническим активистам говорить о «демографической катастрофе», «вымирании народов». Идея «вымирания» стала активно эксплуатироваться на рубеже 1980–1990-х годов и явилась основанием для формирования этнонациональных движений, программы которых строились на концепте «возрождения народов». В Коми был создан Комитет возрождения коми народа, в Мордовии возникло общество «Вельмена» («Возрождение»). Лидеры этнических и этнополитических организаций стремились выступать не только как культуртрегеры, но и как моральные цензоры, как для собственных этнических групп, так и для региональных сообществ в целом. Но их миссия провалилась, ибо этнические антрепренеры не только не смогли стать лидерами общественного мнения в регионах проживания финно-угров, но оказались неспособны к разработке действенных программ этнокультурного развития, что и выявили итоги переписи. Кроме того, перепись показала, что превращение финно-угорских этнических групп из аграрных в городские этносы приводит к очевидному усилению процессов индивидуальной интеграции в принимающие городские сообщества, в которых доминантной группой являются русские, а русский язык преобладает во всех сферах коммуникаций.

Ключевые слова: финно-угры, демография, идентичность, ассимиляция, этнополитика.

Постсоветские переписи во многом обоснованно подвергались критике специалистов и общественности. Эта критика касается как практики подготовки и проведения переписных кампаний, так и интерпретации их итогов. Перепись 2020–2021 г. не была безупречной: ее итоги оцениваются многими специалистами весьма критически, и на то есть основания. Тем не менее результаты последней переписи при всех издержках переписной кампании — единственный официальный источник информации, который с достаточно высокой долей достоверности характеризует динамику демографических изменений и этнокультурные процессы, происходящие в стране. Именно на анализе последних будет сосредоточено внимание в данной работе, при этом объектом анализа являются республики с финно-угорским населением, которые местные

власти и этнические активисты нарекли в начале 1990-х «финно-угорскими регионами», а предметом осмысления — не только трактовка данных переписи, но и рассмотрение демографических изменений в увязке с региональными социальными и этнополитическими процессами.

ФЕНОМЕН «ОТКАЗНИКОВ» И СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА ФИКСАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Стоит заметить, что многие эксперты, особенно в республиках, избегают ныне давать оценки последней переписи, поскольку ее результаты оказались во многом не такими, как ожидалось, и вызывают острые публичные дискуссии, не способствующие беспристрастной и неполитизированной оценке ее итогов. Кроме того, исследователей настораживает, что по результатам переписи оказалась очень велика доля тех, кто, по трактовке статистиков, «отказался указывать национальность», т. е. свою принадлежность к определенному культурно-языковому сообществу [Число россиян..., 2023].

Оценивая результаты переписи, характеризующие национальный (этнический) состав населения страны в целом и отдельных ее регионов в частности, вряд ли стоит драматизировать якобы наметившуюся тенденцию к отказу от указания этнической принадлежности. Конечно, если сравнивать число «отказников» с предыдущими переписями, то оно может выглядеть весьма значительным и трактоваться как свидетельство недостатков прошедшей переписной кампании: во время переписи 2002 г. «отказников» было 1,5 млн чел., в 2010 г. — 5,6 млн, в 2021 г. таковых оказалось 16,6 млн чел. [Всероссийская перепись...]. Но этот общий показатель заслуживает более детального рассмотрения, так как сама структура «группы отказников» говорит о многом.

Так, в этой группе значится 1 млн 150 тыс. чел., которые в графе национальность переписных листов указали гражданский определитель «россиянин», что во много раз больше, чем в 2010 г. Оценивать этот выбор как отказ от фиксации этнической принадлежности вряд ли корректно: люди просто указывают на то, что для них теперь существует единственно верная форма культурной идентичности, которая совпадает с политонимом. И данный показатель свидетельствует о том, что специфическое понимание термина «национальность», который стал широко применяться начиная с переписи населения 1926 г., утрачивает не только прежний смысл, но и свою общественную значимость. Впрочем, надо заметить, что политизация идеи национальности, трактуемой не как принадлежность к гражданскому сообществу, а исключительно как солидарность с культурно-языковыми группами, началась сразу же после большевистского переворота в октябре 1917 г., когда в структуре советского правительства появляется Народный комиссариат по делам национальностей. Следующим этапом политизации этничности стала практическая реализация политического лозунга большевиков о необходимости «размежевания народов» России, который являлся информационным выражением доктрины этнического национализма, взятой ими на вооружение. Согласно этой доктрине, этнические и административные границы в стране должны совпадать, а для каждой этнической группы

необходимо создать собственное национально-государственное образование, в рамках которого она объявлялась «коренным народом», а все остальные граждане — «некоренным населением». При этом «коренной народ» не только становился символическим собственником территории национально-государственного образования и потому позднее стал именоваться «социалистической нацией», но имел право на политические и иные преференции [Тишков, 1993]. На практике размежевание народов означало ломку старого административно-территориального деления страны, создание многочисленных и различающихся по статусу этнических автономий [Государство наций..., 2011]. Этот процесс в целом был завершён созданием в 1922 г. СССР, хотя формирование и изменение статусов новых этнических автономий (включая их ликвидацию или восстановление) продолжалось ещё три десятилетия.

Советский Союз стал уникальной этнической федерацией, где этнические и административные границы условно совмещались, но их установление не имело под собой научной основы, поскольку идея создания племенной карты страны была озвучена только в 1924 г., а реализована она была несколькими годами позже. И что ещё более важно — ни одна из этнических автономий не была создана в результате акта самоопределения, хотя принятая на съезде советов в ноябре 1917 г. «Декларация прав народов России» предоставляла всем этническим сообществам право на суверенитет, а идеолог большевизма и «основатель Советского государства» В.И. Ленин в своей статье по национальному вопросу, судя по его комментариям, считал удачным примером решения «национального вопроса» референдум о независимости Норвегии, проведенный в 1905 г. [Ленин, 1969, с. 292–293]. Но вместо самоопределения территорий и населявших их территориальных сообществ путем общенародных референдумов в Советской России использовали декларативную форму создания «социалистических наций», быстро сломав сверху прежнюю систему административно-территориального устройства страны. При этом идея нации и гражданина как равного партнера государства в государствах-нациях была успешно замещена идеей национальности, понимаемой как лояльность человека не сообществу граждан, а только лишь своей культурно-языковой группе.

Институционализация и политизация этничности сопровождалась ее огосударствлением [Губогло, 1995], суть которого сводилась к тому, что все граждане официально прикрепляются к определенной этнической группе, т. е. в государственных документах строго обязательно фиксируется принадлежность к определенной культурно-языковой группе. Первым шагом на этом пути было проведение всеобщей переписи населения 1926 г., когда стала учитываться этническая принадлежность граждан, именуемая национальностью (при этом переписываемые граждане не понимали, что означает эта категория), а окончательно эта практика закрепилась после введения в 1932 г. общегражданских паспортов, в которых графа «национальность» стала обязательной, как и в личных анкетах граждан.

Иными словами, большевики создали систему социального и политического маркирования граждан и территорий, которая, во-первых, нарушала принцип равенства субъектов, во-вторых, ломала идею конституционного равенства

граждан и приводила к очевидному противоречию между этничностью и гражданством.

Возвращаясь к итогам переписи, прежде всего надо заметить, что существенный рост тех, кто «отказался указать» свою этническую принадлежность во время переписи 2021 г., на наш взгляд, есть свидетельство того, что начался кризис прежнего восприятия этнической маркировки граждан. Именно таким образом можно классифицировать тот факт, что около 7 млн чел. просто отказались указывать свою этническую принадлежность (из 16,6 млн «отказников»). Можно предположить, что для них такая форма идентификации является уже неактуальной либо невозможной в силу сложного этнического состава родственного окружения и/или семейной родословной. Наконец, еще полмиллиона «отказников» предложили свои формы этнической идентификации, которые могли быть пародией на фиксацию этнической принадлежности, но могли быть личным творчеством, когда человек самостоятельно пытался фиксировать сложный характер своих связей с разными культурно-языковыми группами, или региональными маркерами, которые воспринимаются людьми как этнонимы, но официально таковыми не признаются, например, региональный определитель «сибиряк». Часть респондентов придумывала некие несуществующие этнонимы, *пародируя саму идею этнической маркировки граждан*, особенно в этом преуспели представители молодого поколения. Остальные несколько миллионов — это те, кто не открывал двери и чьи данные вносились в переписные листы из других официальных источников.

ЕСТЬ ЛИ ПРИЗНАКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ?

Обратимся к анализу демографических показателей, характеризующих численность этнических групп и характер языковой идентификации. И наверное, начнем с самых шокирующих из них. Если оценивать сугубо арифметические показатели, то они действительно удивляют: между переписями 2010 и 2021 гг., т. е. за одно десятилетие, численность карел сократилась на 46,7 %, коми-пермяков — на 41,0 %, мордвы — 34,9 %, удмуртов — 30,0 %, вепсов — 23,6 %, коми — 37,1 %, марийцев — 22,3 %. Это означает, что этническая маркированность республик с финно-угорским населением становится все менее обособленной.

И власти, и этнические активисты с начала 1990-х годов стали называть республики с финно-угорским населением «финно-угорскими республиками/регионами», нисколько не смущаясь тем, что этнический состав населения никак не позволял осуществлять «символическую приватизацию» этих регионов какой-либо одной этнической группой. Итоги всех переписей населения начиная с 1959 г. никак не позволяют определять их как «финно-угорские» (табл. 1). Эти республики являются полиэтничными по составу населения. Результаты последней переписи делают некорректными любые попытки акцентировать внимание не на поликультурности республик, а на демонстрации их символической принадлежности этнически привилегированный группе населения.

Таблица 1. Доля титульного населения в составе республик с финно-угорским населением по данным переписей населения, %

Регион	1939	1959	1979	1989	2002	2010	2021
Карелия	23,2	13,1	11,1	10,0	9,2	7,1	5,5
Коми	72,5	30,1	25,3	23,3	25,2	22,5	22,2
Марий Эл	47,2	43,1	43,5	43,3	42,9	41,8	40,1
Мордовия	34,1	35,7	34,3	32,5	31,9	29,3	38,7
Удмуртия	39,4	35,6	32,2	30,9	29,3	27,0	24,1

Данные об этническом составе надо рассматривать в контексте динамики численности населения указанных республик. Стоит заметить, что численность их населения на протяжении всего советского периода постоянно росла. Поэтому оценивать современную демографическую ситуацию в указанных регионах уместно, сравнивая показатели, зафиксированные переписью 2021 г., с показателями последней советской переписи 1989 г. За данный период наибольшее сокращение численности населения зафиксировано в двух из пяти республик с финно-угорским населением — Коми и Карелии. В первой за указанный период она сократилась на 41,5% (с 1261,0 до 747,3 тыс. чел.) во второй — на 32,6% (с 791,3 до 533,1 тыс. чел.). Сокращение численности населения связано со сложной социально-экономической ситуацией, которая имеет место в обеих республиках, неясными перспективами их развития и другими факторами, стимулирующими устойчивый отток жителей из данных регионов. Оценка социально-экономической ситуации и общественных настроений, складывающихся в молодежной среде Коми и Карелии, позволяет делать крайне пессимистические прогнозы по поводу возможностей улучшения ситуации в этих регионах [Молодежь..., 2022]. Еще в двух республиках, которые считаются аграрными регионами — Марий Эл и Мордовии, — сокращение населения тоже имело место, но оно не столь значительно: соответственно 10,3% (с 749,4 до 672,1 тыс. чел.) и 18,7% (с 964,1 до 783,5 тыс. чел.). В Удмуртии, считающейся урбанизированным и индустриально развитым регионом, отмечено наименьшее сокращение численности населения за период с 1989 по 2021 гг. — 9,7%. Существенный потенциал для массового оттока населения в другие регионы страны есть не только в Коми и Карелии, но и в Марий Эл и Мордовии, где самый высокий уровень бедности в ПФО, ибо пятая часть семей здесь имеет доход ниже уровня прожиточного минимума. Свои проблемы есть и в Удмуртии, а потому относить ее к вполне благополучным регионам тоже неверно [Молодежь..., 2022].

Но сравнивая итоги переписи 2021 г. и предыдущих переписей, важно заметить, что ни сокращение численности финно-угров, ни значительный отток населения из ряда «национальных республик» никак не сказался на этнических пропорциях населения, т. е. не привел к увеличению или сокращению доли титульных этнических групп. Единственным исключением является Республика Мордовия. Здесь еще во время предыдущей переписи 2010 г. 50 тыс. русских совершенно немотивированно сменили свою этническую принадлежность

и стали мордвинами, а между переписями 2010 и 2021 гг. доля титульного населения республики каким-то образом возросла почти на 10% (см. табл. 1), хотя демографические изменения, т. е. сокращение численности населения региона на 50 тыс. чел. в межпереписной период, никак не создавали условий для столь значительного роста доли мордвы в составе населения региона. При этом если в Коми в «отказниках» числятся 22,5% респондентов, то в Мордовии — лишь 4,2%. Никак не согласуется столь значительный рост доли мордвы и с зафиксированным характером этнокультурных процессов, общественными настроениями, имеющие место в Мордовии [Молодежь..., 2022], с общим сокращением численности мордвы. Все вышесказанное позволяет усомниться в достоверности данных, свидетельствующих о существенном росте доли титульной группы в этой поволжской республике. Но стоит заметить, что *изменение этнодемографических пропорций в субъектах Поволжского региона обычно политизируется* и вызывает острые публичные дискуссии с участием ученых, политиков и этнических активистов, а значит, фактор политического давления на работу органов статистики здесь может иметь серьезное значение.

Можно ли расценивать опубликованные итоги как свидетельство некой «этнодемографической катастрофы» или «вымирания финно-угорских народов», как их пытаются трактовать радикально настроенные представители этнических организаций и часть национальной интеллигенции?

Такого рода трактовки в региональном информационном пространстве имели место и после опубликования итогов переписи 2010 г., имеют место они и ныне. Но в отношении подобного восприятия *цифровых показателей* есть несколько возражений.

Во-первых, наши опросы студенческой молодежи, проведенные во всех «финно-угорских республиках» в 2017–2021 гг., показали, что этничность сохраняет свое значение для большинства молодых людей, но в основном как форма памяти о предках и как форма тождества со своим культурным наследием, хотя, безусловно, общероссийская гражданская (или политическая) идентичность сегодня для них более актуальна. Этничность не занимает первого места в ряду социальных идентичностей, но нигде не исчезает, и ее инструментальное значение остается высоким, поэтому среди молодежных блогеров в республиках появилась прослойка, которая именует себя этноблогерами и занимается эксплуатацией этнической темы, а весьма значительная доля молодых респондентов, понимая опасность политизации этничности в республиках, считает вполне реальной угрозой межэтнических конфликтов.

Во-вторых, о «вымирании» можно говорить лишь тогда, когда перестают работать культурно-языковые механизмы интеграции внутри этнических сообществ. При этом уровень языковых компетенций здесь не является решающим. Но стоит подчеркнуть, что характер функционирования финно-угорских языков специфичен, ибо уже данные микропереписи населения 1994 г. показали, что в семье общались на русском языке 987 вепсов из каждой тысячи, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяков, 363 марийца, 350 удмуртов [Финно-угорские регионы..., 1999, с. 10]. В последние десятилетия предприняты серьезные усилия по развитию языкового образования в республиках, создана основательная учебная

и учебно-методическая база для преподавания региональных языков, предпринимаются активные попытки расширить сферы их функционирования, но уровень языковых компетенций и характер языкового проведения остается прежним. В том, что языковая ситуация практически не меняется, в определенной мере повинны местные языковеды (в подавляющем большинстве сами являющиеся финно-уграми), которым поручено совершенствовать языковое образование и языковую политику. Они не смогли начать масштабные конструктивно-прикладные исследования, направленные на понимание того, как расширить социальные функции языков, повысить их престиж, а главное — как мотивировать молодежь изучать язык своих предков. Лингвисты в национальных республиках преимущественно занимаются не социолингвистикой, а описанием глаголов, предлогов, причастий, а потому не были готовы решать указанные сложные проблемы и единственно возможной формой совершенствования языковых практик считали пуризм, т.е. практику изгнания из уральских языков русизмов и интернационализмов. Возникший новояз только навредил развитию языков. При этом диалектные формы языков уральцев продолжают успешно функционировать в районах их компактного проживания. *Но наиболее значимо то, что само отношение к языку как к одному из важнейших этнических определителей не изменилось, о чем свидетельствуют итоги переписи (табл. 2).*

Таблица 2. Доля населения, чья этническая принадлежность совпадает с этническим языком по итогам переписи населения 2021 г.

Народ	Численность, тыс. чел.	Этнический язык, названный как родной, %
Мордва	479,0	55,3
Марийцы	417,3	74,8
Удмурты	383,9	69,2
Коми	142,4	66,4
Карелы	32,2	26,1

Здесь стоит сделать некоторые уточнения. Конечно, доля тех, кто признает свой этнический язык родным, по сравнению с итогами советских переписей 1959 и 1989 г. сократилась, но не очень значительно и отнюдь не катастрофически. Так, среди марийцев в 1959 г. 95,1 % называли своим родным марийский язык, а в 1989 г. таких было 80,8 %, среди коми соответственно — 89,3 % и 70,4 % [Лаллукка, 1997, с. 224]. Сегодня этнические языки превратились в своеобразные культурные символы, а потому многие из тех, кто называет родным языком тот язык, который «совпадает с национальностью», часто не знают или плохо знают его, но полагают, что их солидарность с этнической группой должна подкрепляться символическим маркированием этнического языка как родного.

Чем обусловлены весьма ощутимые изменения в численности российских финно-угров? Во-первых, очевидно, что процессы культурной унификации

Таблица 3. Доля горожан среди крупнейших финно-угорских народов по результатам переписей, %

Народ	1970	2002	2010	2021
Марийцы	19,3	49,4	42,6	44,0
Мордва	33,4	49,4	51,0	51,3
Карелы	43,7	55,9	57,9	59,3
Коми	35,7	47,5	48,1	39,4
Коми-пермяки	22,2	38,9	36,8	30,8
Удмурты	31,4	46,6	44,6	34,7

и гражданской интеграции в последние десятилетия усилились и не могли не сказаться на изменении культурных ориентаций (включая и смену этнической идентичности). Во-вторых, за полстолетия произошло изменение социальной структуры финно-угорских народов: они из сельских этнических сообществ фактически превратились в городские этносы. В городах сельские мигранты переходят на русский язык во всех сферах общения, поскольку воспринимают его как язык горожан, а во втором или в третьем поколении происходит и смена этнического самосознания. Большинство городов в России формировались преимущественно как поселения, где русские и русский язык абсолютно доминировали, хотя население городов не было моноэтническим. Согласно классической теории ассимиляции, которую начали разрабатывать в 1920-е, а окончательно обосновали в 1960-е годы представители Чикагской социологической школы, ассимиляция мигрантов в принимающее сообщество *рассматривалась как естественный процесс односторонней индивидуальной интеграции* [Park, 1928]. В ходе этого процесса сельские мигранты воспринимали городской образ жизни, который они ассоциировали с русским населением и русским языком, являвшимся языком всего городского населения страны. Здесь же они вступали в многочисленные межэтнические браки, доля которых у финно-угров со второй половины XX в. стабильно увеличивалась [Лаллукка, 1997, с. 250–276]. Как результат сначала у финно-угров происходил рост доли городского населения, а затем она стала снижаться благодаря процессам унификации и ассимиляции, на что указывают и результаты переписи населения 2021 г. (табл. 3). Политизировать этот процесс вряд ли уместно.

ПЕРЕПИСЬ И ИДЕЙНЫЙ КРАХ ЭТНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ФИННО-УГРОВ

Однако приходится признать, что идеология этнического национализма глубоко укоренилась в сознании интеллектуалов и этнических активистов в республиках, свидетельством чему являются их публичные заявления и действия.

Наглядным примером тому является объяснительная модель «вымирания» народов, которая стала важным инструментом политического давления на власть в арсенале этнических организаций на рубеже 1980–1990-х годов и главным доводом в пользу создания этнонациональных организаций финно-угров

и самодийцев, ибо их заявленной целью была необходимость «возрождения» этих народов (но не менее очевидно проявилось впоследствии и стремление к политическому лидерству и использованию названных организаций для получения политических и иных дивидендов их лидерами и активистами). Так, на I съезде народа коми, прошедшем в 1990 г., был создан исполнительный орган, который получил показательное название Комитет возрождения коми народа (позднее переименован в «Коми войтыр» — «Коми общество»), на I Всероссийском съезде финно-угорских народов в мае 1992 г. делегаты обсуждали проект Декларации о национальном возрождении финно-угорских народов, находящейся под юрисдикцией Российской Федерации. Идея возрождения марийцев активно муссировалась во время проведения съезда народа мари осенью 1992 г., на котором была учреждена Всемарийская организация «Марий ушем» («Союз мари»). На Всеудмуртском съезде в 1992 г. была создана Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» («Удмуртский совет»), а для финансового обеспечения деятельности ассоциации было решено образовать «Фонд возрождения удмуртского народа». В Мордовии в 1989 г. был создан общественный центр «Вельмена» («Возрождение») и т. д. *Активисты этнических организаций, если следовать этимологии вышеназванного термина, сначала символически «похоронили» свои этнические сообщества, а потом собрались «возродить» здравствующие и вполне самодостаточные народы численностью в сотни тысяч человек.*

Идея вымирания финно-угров активно муссировалась и многими западными экспертами, а европейские политические институты прямо пытались вмешиваться в практику государственной национальной политики Российской Федерации.

Еще в 1998 г. положение финно-угорских народов стало предметом политического демарша западных политиков, ибо идея «вымирания» данных народов была озвучена в специальной резолюции ПАСЕ, а в 2005 г. эта же организация инициировала проведение специального исследования и поручила курировать его евродепутату из Эстонии Катрин Сакс. Несмотря на то что бывший министр по делам народонаселения привлекла российских «экспертов», опубликованный в 2006 г. специальный доклад изобилует грубейшими ошибками этнографического плана и был предельно тенденциозен. Но ее идеи были подхвачены «экспертами» на местах, которые на деньги западных спонсоров и при поддержке региональных властей активно их пропагандировали. В противовес заказным выводам Сакс серьезные западные исследователи, анализируя еще позднесоветские практики этнополитики и результаты переписей, когда они еще не превратились в объект политических спекуляций и не заняли столь значимое место во внутренней политике национальных республик, заявляли, что тезис о направленной политике русификации меньшинств в России не находит научного подтверждения [Anderson, Silver, 1984].

Тем не менее очевидно, что в культурном облике финно-угров происходят существенные изменения, о чем сказано выше, которые весьма однобоко учитываются этническими активистами и связанными с ними местными исследователями, так и не научившимися оценивать социальные изменения с безус-

ловным учетом приоритета личного выбора граждан и их культурных прав. Что же касается идеологии этнонациональных активистов так называемого финно-угорского движения, то, несмотря на дежурные заверения о приверженности межнациональному миру и согласию, она все еще базируется на советской идее разделенных сообществ, выстроенных в форме символической пирамиды, на вершине которой находится «коренной народ». Лидеры этнонациональной организации «Удмурт кенеш», к примеру, давно требуют преференций для удмуртов как для «коренного этноса» [Кардинская, 2006], в том числе добиваются обязательного изучения удмуртского языка всеми школьниками республики. Квинтэссенцией этих требований стал акт саможжения 19 сентября 2019 г. удмуртского исследователя и этнического активиста, 79-летнего Альберта Разина, который в своем предсмертном послании к парламенту требовал, чтобы удмуртский в обязательном порядке изучали все дети республики, начиная с детского сада.

Речь здесь, конечно, должна идти не только о личной трагедии Альберта Разина, твердо отстаивавшего свои убеждения, но и о политической трагедии движений финно-угров, ибо многие их документы строятся на очевидном противопоставлении этничности гражданству, и эта идейная оппозиция существует много лет и активно работает против практики гражданской интеграции и построения российской гражданской нации. Тому же Разину в 1990-е годы было поручено руководить Институтом человека, созданном в Удмуртском университете, хотя и тогда, и позже он не понимал принципов построения гражданского общества, судя по его публикациям [Разин, 1993].

ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕНО ЛОЯЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ К РАДИКАЛЬНЫМ ЭТНИЧЕСКИМ ИДЕЯМ И ИХ НОСИТЕЛЯМ?

На наш взгляд, *местные политические элиты, заявляя на словах о своей приверженности делу сохранения межнационального мира в регионах, а также равенству прав граждан и идее гражданского единения, в своей законотворческой, а более — практической деятельности руководствуются не идеями гражданского строительства, а фактически являются сторонниками принципов ленинской национальной политики, о которых сказано выше.* Про российскую нацию и про гражданскую солидарность они не говорят даже в преддверии Дня национального единства, ибо до сих пор не усвоили базовые идеи «Стратегии государственной национальной политики» и не понимают значения самого термина «нация».

Более того, базовый принцип Основного Закона Российской Федерации, гарантирующий равенство прав всех граждан страны, подвергается сомнению и в законодательстве, и в практических действиях региональных политиков. Конституции Карелии, Коми и Удмуртии содержат сомнительные тезисы, подчеркивающие наличие этнических границ внутри республиканских социумов, а из обновленного текста основного Закона Коми в начале 2000-х годов вообще было исключено положение о многонациональном характере регионального сообщества, отрицание которого есть грубая политическая ошибка [Шабаев,

2019]. И такого рода ошибки — не единичное явление. К примеру, в Карелии не только в Конституции подчеркивается особая миссия титульной этнической группы, но постановлением Правительства РК от 24.01.2018 утверждена государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов», которая выделяет из республиканского социума три этнические группы и наделяет их официальным статусом «коренных народов», что означает отрицание конституционной нормы о равенстве прав граждан РФ.

Публично не подтвержденная и часто не осознанная местными лидерами приверженность ленинской национальной политике, которую демонстрируют некоторые региональные политические менеджеры, проявляется в стремлении местных политиков продолжать практику созидания «коммунистических культов», которые на деле вырождаются в опасный *этнический фаворитизм*.

Так, в Карелии в 2007 г. соорудили памятник бывшему первому секретарю Карельского обкома КПСС И.Сенькину, которого предлагают считать выдающимся сыном карельского народа. В Коми пошли еще дальше: здесь стали формировать целый культ главного коммуниста республики Ивана Морозова, возглавлявшего Коми обком КПСС в 1965–1987 гг. По мнению местных мифотворцев, этот «выдающийся сын коми народа» внес огромный вклад в развитие республики, хотя в советские годы в ведении региональных властей были только сельское хозяйство и местная промышленность, которые и в годы руководства Морозова (а равно и Сенькина) находились в неудовлетворительном состоянии, что во многом и предопределило современный аграрный кризис, который переживают две названные республики ныне. Однако в Коми это не мешало региональным властям за казенный счет переименовывать улицы, вешать мемориальные доски, издавать книги в память о Морозове. На родине местного «вождя», в деревне Межадор, был создан мемориальный музей, а в столице республики возвели «морозовскую избу» (якобы точную копию его дома в родной деревне), в которой тоже создали постоянно действующий музей. Творили культ при разных губернаторах, но вполне последовательно, и его вершиной стала установка уже в 2021 г. помпезной бронзовой статуи «героя», на которую с недоумением взирают современные сыктывкарцы (которых никто не спросил о необходимости водружения статуи). Но и этим дело не ограничивалось, поскольку ныне учрежден знак ордена Ивана Павловича Морозова (видимо, по аналогии с «Орденом Ленина»), которым уже награждаются коми-земельцы. (Знак учрежден Законом Республики Коми от 29 октября 2020 года № 67-РЗ; описание переутверждено Указом Главы Республики Коми от 4 июля 2022 г. № 68.) Морозовский культ вызывает много вопросов. Главный из них состоит в том, *почему региональные элиты не хотят создавать образ общего прошлого и общих героев*. Почему, к примеру, в столице Коми до сих пор нет памятника покорителям Сибири, ибо хорошо известно (не этническим радикалам и их покровителям), что в составе отряда Ермака, с похода которого началось присоединение Сибири к Российскому централизованному государству, было много представителей разных народов, включая значительное число коми-зырян, которые вместе с казанскими татарами, кодскими хантами, якутами

два века покоряли сибирские земли и превращали Россию в великую евроазиатскую державу или почему нет монумента в память о единении Коми земли с древнерусскими княжествами? Не потому ли, что в некоторых пьесах местных драматургов и христианизация, и вхождение земель коми в состав централизованного Российского государства называется исторической ошибкой народа (коми литераторы не одиноки в своих «исторических изысканиях»)?

К сожалению, региональная этнокультурная политика долгие годы носила декларативный и символический характер, поскольку строилась с опорой на эмоциональные мнения и оценки этнических активистов, деятелей культуры и этнически ориентированных общественников. Именно они нередко рекрутировались в экспертные советы, создаваемые при республиканских властных институтах, а *потому те структуры, которые должны были быть объектами региональной государственной национальной политики, превратились в субъектов этой политики* (сомнительные, юридически и политически неверные положения в текстах основных законов республик, к примеру, были прямо заимствованы из резолюций этнических съездов). *В подобной ситуации превратить этнокультурные процессы в реально управляемые, а практику этнокультурного строительства — в форму продуманной социальной инженерии не представлялось возможным, и последствия этой политики нашли отражение в итоговых результатах переписи 2020–2021 гг.*

Литература

Всероссийская перепись населения 2020 года. Т.5: Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 11.05.2021).

Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011. 376 с.

Губогло М. Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 110–124.

Кардинская С. В. Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 54–60.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский дом, 1997. 391 с.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд.: в 55 т. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 259–319.

Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски / Ю. П. Шабаев, В. Н. Бирин, Н. П. Миронова и др. М.: РГГУ, 2022. 387 с.

Разин А. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // Финно-угорские народы и Россия. Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1993. С. 98–104.

Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1993. С. 9–34.

Финно-угорские регионы России. Статистический сборник. Сыктывкар: Комистат, 1999. 98 с.

Число россиян, не указавших в переписи национальность, за 10 лет выросло в три раза. Замглавы Росстата Сергей Окладников связал это в том числе с особенностью заполнения электронных листов. Москва, 15 февраля 2023 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17056029> (дата обращения: 11.05.2021).

Шабаев Ю. П. Управление культурным многообразием России: опыт национальных республик. М.: РГГУ, 2019. 171 с.

Anderson B. B., Silver B. D. Equality, efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // *The American Political Science Review*. 1984. Vol. 78, no. 4. P. 1019–1039.

Park R. E. Human migration and the marginal man // *The American Journal of Sociology*. 1928. N 33(6). P. 881–893.

Шабает Юрий Петрович — д-р ист. наук, ст. науч. сотр.; yupshabaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 5 июля 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Шабает Ю. П. Демографическая «катастрофа» российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 4. С. 634–647.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409>

DEMOGRAPHIC “CATASTROPHE” OF THE RUSSIAN FINNO-UGRIC PEOPLES: SOCIAL AND POLITICAL MOTIVATION FOR THE DRIFT OF IDENTITIES

Yuri P. Shabaev

Komi Science Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences,
24, Kommunisticheskaia ul., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; yupshabaev@mail.ru

The results of the 2021 population census showed a sharp and significant decrease in the number of Finno-Ugric peoples in Russia. For example, the number of Karelians decreased by 46.7%, Komi-Permyaks — by 41%, Mordovians — by 35% (in 1939, the number of Mordovians was 1375 thousand people, in 2021 — 484 thousand). Between the 2002 and 2010 censuses there was also a large-scale decline in the number of Finno-Ugric peoples, which allowed some local ethnic activists to talk about a “demographic catastrophe”, “extinction of peoples”. The idea of “extinction” began to be actively exploited at the turn of the 1980s and 1990s and became the basis for the formation of ethno-national movements, the programs of which were built on the concept of “the revival of peoples”. In Komi, the Committee for the Revival of the Komi People was created, in Mordovia, the society “Velmena” (“Revival”) arose. The leaders of ethnic and ethno-political organizations strove to act not only as culturetragers, but also as moral censors not only for their own ethnic groups, but also for regional communities as a whole. But their mission failed, because ethnic entrepreneurs not only failed to become leaders of public opinion in the regions inhabited by the Finno-Ugric peoples, but turned out to be incapable of developing effective programs for ethno-cultural development, which was shown by the results of the census. In addition, the census showed that the transformation of the Finno-Ugric ethnic groups from agrarian to urban ethnic groups leads to an obvious strengthening of the processes of individual integration into the host urban communities, in which the Russians are the dominant group, and the Russian language dominates in all spheres of communication.

Keywords: Finno-Ugrians, demography, identity, assimilation, ethnopolitics.

References

All-Russian Population Census 2020, vol. 5: National composition and language proficiency. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Anderson B. B., Silver B. D. Equality, efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980. *The American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 4, pp. 1019–1039.

Finno-Ugric regions of Russia. Statistical compendium. Syktyvkar: Komistat Publ., 1999. 98 p. (In Russian)

Guboglo M. N. Three Lines of National Policy in Post-Communist Russia. *Etnographicheskoe obozrenie*, 1995, no. 5, pp. 110–124. (In Russian)

Kardinskaja S. V. Ethnicity in the ideological constructions of the Udmurt media. *Sotsiologicheskije issledovanija*, 2006, no. 6, pp. 54–60. (In Russian)

Lallukka S. *Eastern Finnish peoples of Russia. Analysis of ethno-demographic processes*. St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ., 1997. 391 p. (In Russian)

Lenin V. I. On the right of nations to self-determination. Lenin V. I. *Complete works*, 5th ed., in 55 vols., vol. 25. Moscow: Politizdat Publ., 1969, pp. 259–319. (In Russian)

Park R. E. Human migration and the marginal man. *The American Journal of Sociology*, 1928, no. 33(6), pp. 881–893. (In Russian)

Razin A. Udmurt ethnos: the problem of the formation of patriotism and internationalism. *Finno-Ugric peoples and Russia*. Tallinn: Institut Jana Tynissona Publ., 1993, pp. 98–104. (In Russian)

Shabaev Yu. P., Birin V. N., Mironova N. P. et. al. *Youth in the political and cultural space of the republics with the Finno-Ugric population: positions, moods, risks*. Moscow: RGGU Publ., 2022. 387 p. (In Russian)

Shabaev Yu. P. *Management of cultural diversity in Russia: Experience of national republics*. Moscow: RGGU Publ., 2019. 171 p. (In Russian)

Tishkov V. A. Nationalities and nationalism in the post-Soviet space (historical aspect). *Ethnicity and power in multi-ethnic states*. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 9–34. (In Russian)

The number of Russians who did not indicate their nationality in the census has tripled in 10 years. Deputy head of Rosstat Sergey Okladnikov connected this, among other things, with the peculiarity of filling out electronic sheets. Moscow, 2023, February 15. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17056029> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)

The State of Nations: Empire and Nation- Building in the Era of Lenin and Stalin, ed. by R. Suni, T. Martin. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 376 p. (In Russian)

Received: July 5, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Shabaev Yu. P. Demographic “catastrophe” of the Russian Finno-Ugric peoples: Social and political motivation for the drift of identities. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 634–647. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409> (In Russian)